

СУУДЭР-ЭДЗЕН,
ВЛАДЫКА
ТЕНЕЙ

КАТЕРИНА
ЗВЕРЬ

Катерина Зверь

Суудэр-эдзен, владыка теней

«Издательские решения»

Зверь К.

Суудэр-эдзен, владыка теней / К. Зверь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516522-0

Сборник авторских сказок, стилизованных под национальный монгольский фольклор о черноглазом духе суудэр-эдзене, владыке теней.

ISBN 978-5-00-516522-0

© Зверь К.
© Издательские решения

Содержание

Где удачу поймать	7
Три благодарности	12
Шагнал I	18
Благодарность суудер-эдзена	18
Награда	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Суудэр-эдзен, владыка теней

Катерина Зверь

Иллюстратор Владимир Демьяновский

Редактор Дарья Лисенко

Редактор Ольга Готальская

© Катерина Зверь, 2020

© Владимир Демьяновский, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-6522-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Далеко простираются степи — до самого края земли. Можно целый день скакать на добром коне, обгоняя ветра, но не добраться до края степей.

Множество тайн хранят в себе степи, множество сказок и легенд носит сухой степной ветер — тех, что услышал он от облаков, когда пробегали они над степями, тех, что нашептали ему шелестящие ковыли, тех, что принесли из разных краев птицы, тех, что улетели вместе с дымом от костров, разожженных старыми шаманами.

Множество сказок рассказывают у тех костров — о ветре и реке, о зверях и о птицах, о людях, о сильных воинах, о храбрых охотниках, о диковинных краях и о тех существах, что живут вокруг нас, под водой, под землей и в небесах.

Присядь, и я расскажу тебе об одном из них.

Множество духов живет вокруг, под камнями, в реке, в старых деревьях, в темных углах домов — добрых духов и злых, и тех, кто присматривает за человеком, и тех, кто стремится его погубить. Одних легко обмануть, а другие обманут тебя, одни берегут тебя сызмальства, а других легко разгневать, одни подарят удачу, а другие также легко ее заберут.

А хитрее их всех — сладкоречивый суудер-эдзен, владыка теней.

В стародавние времена, когда не поселились еще на земле людские племена, солнце и луна одновременно властвовали над всем миром. Они поднимались в небо, когда им заблагорассудится, и уходили, когда им наскучивало. И не знали ни птицы, ни звери ни дня, ни ночи. Порой солнце и луна ходили по небу под руку, а порой уходили они вовсе, и тогда землю окутывала непроглядная тьма, а вместе с ней приходили и злые духи, и творились черные дела. И стали просить и птицы, и звери, чтобы кто-нибудь прогонял злых духов прочь. Услышали их боги, позвали солнце и луну, повелели ходить по небу по очереди, освещать землю, разгонять злую тьму. Согласились луна и солнце, да только долго сойтись не могли, кому первому в небо подниматься. Чуть совсем не рассорились.

Повелели им тогда боги жребий тянуть, кому первому идти, кому следом. Победило солнце, первым в небо с тех пор поднимается, разгоняет темноту. Затаила обиду луна, и с тех пор нет-нет да торопится следом подняться, когда солнце еще зайти не успело.

А как стали солнце и луна не вместе, а друг за дружкой ходить, лишь с одной стороны светить, так на земле и появились тени, не ночные дети, не дневные. Родились они от споров и от раздоров, и с тех самых пор любят всякую мороку пуше всего на свете.

Немало людей, и богов и духов смутил своими сладкими речами суудер-эдзен, никто устоять не смог. Потому-то и ценит владыка теней тех, кто сумеет одолеть его в хитрости, кто своим словом его слово перебьет. Такому человеку и удача будет, и достаток.

Только где же таких хитрецов найти, чтобы тень одолеть сумели?

Многие пытались обмануть владыку теней, многие хотели силой его побороть — а про то, что у них вышло, по всей степи рассказывают.

Вот, послушай.

Где удачу поймать

Рассказывали вот о двух охотниках, о Теллуке и Янгуве.

Жили они в одной далекой деревне, что была у самого подножия гор. Оба были славными охотниками, оба приносили много дичи, оба не знали промаха.

Часто приводил Теллук в селение и диких коз, прикормленных травой, и даже приручил себе волка, с которым ходил на охоту. А Янгув не боялся вступать в схватку с дикими зверями и приносил самые большие, самые дорогие шкуры.

Но однажды выдалось скверным лето, подули суровые ветры, жаркое солнце высушило степи и иссушило леса, откочевали животные прочь, и разладилось дело у охотников. Всё дальше приходилось уходить от деревни, всё сложнее стало отыскать дичь. Стали шептаться люди, что забыли о них боги, и что придется покинуть деревню и идти дальше, в другие земли, где жили другие племена и промышляли другие охотники.

Маленькой была деревня, где жили Теллук и Янгув, немного воинов было у нее, и ничего не оставалось людям, как идти на поклон хану дальних земель.

Долго думали охотники, нет ли способа снова отыскать дичь и накормить деревню, или придется людям уходить с насиженного места и идти на поклон хану?

Пошли они тогда к старому шаману, живущему на вершине самой высокой горы, и спросили, как быть.

Поглядел шаман на небо, послушал воду, поговорил с ветром, и сказал, что сложно будет охотникам, но если будет у них достаточно удачи, то всё у них сладится.

— Где же взять ее, удачу? — спросили охотники.

Усмехнулся шаман в длинные усы.

— Известно, где, — говорит. — Коль нужна тебе удача — подмани суудер-эдзена. Везде живет тень, всё знает, всё видит, ночью правит и днем не прячется. Коли присмотрит за тобой тень — будет тебе удача и днем, и ночью.

Нахмурились охотники, покачали головами да ушли восвояси. Хитер суудер-эдзен, и подманить его нелегко. Да и как можно верить тени — зыбка она, тонка да ненадежна, чуть туча на солнце набежит, так она и сгинет, а ночью и вовсе не сыскать ее...

— Э, — говорит Янгув, — знать, выжил из ума старый шаман. Чтобы удачу поймать, много удачи нужно, а где же взять ее?

Призадумался Теллук. Где же взять удачу, как поймать тень в ночной тьме?

День думал Теллук, ночь думал, вспомнил о том, что еще мальчиком слышал у костра от стариков. Променял последние шкуры свои на припасы, и, когда настала ночь большой луны, поднялся Теллук на гору. Расстелил он там узорчатое покрывало, расставил на нем плошки с молоком, свежие лепешки, испеченные из остатков муки, строганины положил, меда, поклонился во все стороны, пригласил тени ночные отведать его угощение, а сам скрылся за камнями и стал ждать.

Ждал он, ждал, уже и небо посветлело, и большая луна покатила вниз. Но Теллук, умелый охотник, ждал и не двигался, не позволяя себе закрыть глаза ни на мгновение.

Наконец, когда первые лучи солнца озарили облака в алом небе, заметил Теллук, что из сумрака между камнями выскользнула тонкая и черная тень. Она подползла к ковру, забралась на него и давай шуршать — в плошки заглядывать, кушанья пробовать. Обрадовался Теллук, только-только хотел из убежища выскочить, как тень снова ускользнула. Удивился Теллук — неужели спугнул? Неужели не по вкусу пришлось угощение?

А тут из-под камней как поползли тени, всё больше и больше, гуще и гуще — глядит Теллук, и видит, что собралось у ковра гостей видимо-невидимо. Не один суудер-эдзен пожаловал, а со свитой своей. Считал Теллук тени, считал — больше, чем пальцев на руках.

Стали тени молоко пить и лепешками с медом угощаться. Попировали они, и, наконец, говорит их старший громко — «Вот какое пиршество нам тут устроили! А что же ты сам, хозяин, за камнями прячешься? Покажись, сделай милость.»

Смеются тени, шепчут, шелестят. Вышел Теллук из-за камней, поклонился суудер-эдзену, тот и спрашивает:

– Что тебе надо, охотник? Зачем ты пригласил нас на пир?

Пал тогда Теллук на колени, поклонился до самой земли, и испросил суудер-эдзена о милости — нужна мне, говорит, удача на охоте, чтобы племя мое кормить да в шкуры одевать. Если много дичи добуду, говорит, обещаю каждую ночь большой луны приглашать вас на пир, черноглазые тени.

Пуще прежнего те рассмеялись.

– Ладно, Теллук, — говорит суудер-эдзен, — накормил ты нас, напоил, будет тебе за то удача. Но помни про свое обещание!

Хотел Теллук ответить, но моргнуть не успел, как тени сгнули, словно не было их никогда. Забрал он ковер, забрал плошки пустые, и вернулся к себе в селение.

И с того же дня у него всё заладилось — и на охоте, и в работе. И дело спорится, и вражеская стрела мимо летит, и дичь сама на него бежит. Разбогател Теллук, лучше прежнего зажил.

А у Янгуба охота так и не ладится. Увидел он, какая удача к Теллуку пришла, и как-то, когда пировали они всем селением, спросил Янгуб, мол, как же ты такую удачу обрел, охотник?

– Тени помогают, — ответил Теллук. Позавидовал Янгуб его удаче, и решил во что бы то ни стало его обойти. Пошел он к старому шаману, и спрашивает — как поймать тень, чтобы принесла она удачу?

Дал ему шаман волшебные силки, дал богатое покрывало, дал волшебную плетку, и научил, как поймать духа.

В ночь большой луны пришел Янгуб на гору, расстелил покрывало, поставил плошку молока, приготовил силки, и скрылся за камнями.

Ждал он, ждал, уже и небо посветлело, и большая луна покатила вниз. Но Янгуб, умелый охотник, ждал и не двигался, только сон отгонял.

Наконец, когда первые лучи солнца озарили облака в алом небе, заметил Янгуб, что из сумрака между камнями выскользнула тонкая и черная тень. Она подползла к покрывалу, чтобы молока попить, да угодила в силки. Выскочил из-за камней Янгуб, завернул тень в покрывало, смотрит — у тени лицо тонкое, бледное, а в глазах тьма ночная плещется. Обрадовался Янгуб — поймал свою удачу!

Бьется тень в покрывале, еще больше в силках запутывается.

– Отпусти меня, охотник, — взмолилась она. — Дам я тебе за то удачу.

– Нет уж, — рассмеялся в ответ охотник. — Будешь ты теперь мне служить, удачу мне приносить и богатство, а не станешь, так я тебя вот этой плеткой отхожу, — и показал пленной тени плетку волшебную.

Взял Янгуб добычу на плечо, и унес в селение. Распутал силки, да замкнул веревку в круг. Сидит в нем тень, переступить через заговоренную веревку не смеет.

Заладилось дело у Янгуба — и в работе, и в охоте, и вражеская стрела его не трогает, и дичь сама на него бежит. Разбогател Янгуб, и позвал как-то Теллука на пир — богатством своим хвастаться.

Расстелил он перед юртой ковер, выставил кушанья дорогие. Пируют охотники, пьют вино, да друг перед другом богатством хвалятся.

Дело к вечеру обернулось, роса на траву выпала, Теллук и спрашивает — отчего же, Янгуб, мы пируем не в твоей юрте?

– Дорогие ковры у меня там расстелены, шкуры редкие, — отвечает Янгуб, — не хочу, чтобы их ногами запачкали.

– Что же, Янгув, — нахмурился Теллук, — раньше мы вместе по болотам да горным рекам ходили, на голой земле спали, а теперь ты и на шкуру наступить боишься?

– Э, Теллук, — говорит Янгув, — да та шкура знаешь, сколько стоит? Месяц я того зверя выслеживал, и еще неделю с ним боролся! Жду я теперь богатого торговца из дальнего города, чтобы дорого ему ту шкуру продать, а до тех пор ее беречь надо.

Стало Теллуку любопытно, что за шкура такая, но Янгув ни в какую не соглашался ее показать. Тогда хитрый Теллук уговорил его еще выпить, и еще, а свое вино незаметно на землю выплескивал. Напился Янгув вина, и Теллук, дождавшись, когда он уснет, заглянул в его юрту, да так и обомлел, увидев в углу плененную тень. Разве ж то удача, на зле да несчастье возвращенная? Разве ж то пристало охотнику — удачу свою на цепи держать?

Хотел он было веревку разомкнуть, а та пальцы жжет да коснуться не дает, накрепко старым шаманом заколдованная.

Вернулся Теллук к себе ни с чем.

Наступила следующая ночь большой луны, снова Теллук, как и обещал, устроил пир для суудер-эдзена. Собрались тени, и видит Теллук, что лица их печальны, а к кушаньям они почти и не притрагиваются.

– Что, — спрашивает он, — случилось у вас, ночные духи?

– Пропал наш младший, охотник, — отвечает суудер-эдзен, — все горы мы обыскали, все реки, все степи, нет его нигде, ни на земле, ни под землей, ни на небе, ни над небом.

Рассказал им тогда Теллук, что у Янгуба в юрте видел. Разозлились тени, полетели в селение.

Спит Янгув в юрте своей, чует — словно холодом повеяло. Приоткрыл один глаз, видит — темно в юрте так, словно большая луна с небес исчезла. Слышит он голоса и шорохи, открыл и второй глаз. Увидел он, что у него полная юрта черных теней — в каждый угол те заглядывают, туда-сюда снуют, но не видят своего младшего товарища, веревкой скрытого. А тот бьется внутри круга, зовет их жалобно.

Охнул Янгув, и тут же все тени вокруг его лежанки собрались, лица бледные склонили, смотрят глазами черными, а в тех глазах тьма могильная плещется.

– Ты, — говорят, — охотник, младшего нашего забрал?

– Я, — говорит Янгув.

– Отпусти младшего, охотник, а не то не миновать тебе смерти.

– Отпущу, — кричит Янгув, — отпущу!

Подскочил он с лежанки, да опрометью прочь бросился, только пятки засверкали. Погнались за ним духи, слышит Янгув шорохи, чувствует, как холодные пальцы плеч да волос касаются, вот-вот сожмут да утащат...

Ног под собой не чует Янгув, пуще прежнего бежит. Добежал он до дома шамана и в дверь заколотил. Не осмелились духи ближе подойти, отпугнули их знаки защитные да слова волшебные.

Впустил шаман Янгува, стал расспрашивать.

— Спаси меня, шаман, — просит охотник, — убьют меня слуги суудер-эдзена, сей же час убьют, как отпущу я их младшего!

Покачал шаман головой, вытащил из закров ладанку.

— На, — говорит, — повесь на шею, и не тронут тебя духи.

Повесил Янгув ладанку на шею, отправился домой. Шуршат вокруг него тени, вьются, шипят, да только прикоснуться не могут, тянут пальцы да отшатываются, как от огня горящего.

Чуть не поседел Янгув, пока до юрты своей добрался. Далеко живет шаман — и как только силы добежать хватило?

Вернулся Янгув в юрту, разомкнул веревку заговоренную. Выскользнул из круга младший дух, да тонкой тенью утек.

Обрадовался было Янгув — не тронет его теперь суудер-эдзен! Не смогут его тронуть тени, не подпустит их близко ладанка!

Да только не стало ему с той поры счастья — отвернулась от него удача, всё из рук валится. Вино в кувшине скисает, еда на глазах портится, молоко киснет, огонь не разжигается. Вьются вокруг тени, шуршат и шепчут, не дают глаз сомкнуть.

Не соврал старый шаман — не трогают Янгува тени, да только и ему самому жизни нет.

Мучился он от голода, холода и жажды, мучился, наконец, не выдержал, сорвал с шеи ладанку — тут же набросились на него тени и растерзали на части.

А Теллук жил себе долго, богато и счастливо, спорилась у него работа, спорилась у него охота, и каждую ночь большой луны пировал он с суудер-эдзеном на вершине высокой горы.

Три благодарности

Много жило в степях ловких охотников, много смелых и сильных воинов, много стрелков, чья рука не знала промаха, много всадников, что могли усмирить любого коня.

А самым ловким, самым сильным, самым смелым был молодой охотник Нэхтэн. Бил он разную дичь, и птицу, и зверя, и всегда возвращался с богатой добычей. Но, несмотря на славу свою и богатство, не ставил себя Нэхтэн выше других людей, помогал соседям в беде, и не бил никогда зверя с детенышем, не трогал птичьих гнезд, как научила его еще старая мать.

Как-то ехал Нэхтэн с охоты, и увидел у реки чернокошую красавицу Майримай. Полюбил красавицу Нэхтэн и захотел ее взять ее в жены. Стал расспрашивать, где живет она, и какой за нее калым платить.

– Живу я на дальней горе, Нэхтен-охотник, — отвечает ему Майримай, — в доме отца моего, старого Сургая. У него про калым и спрашивай.

Развернул Нэхтэн своего коня и направился к дальней горе.

Недоброе это было место — был старый Сургай сильным колдуном, боялись его люди, и никто на дальнюю гору не поднимался, опасаясь, как бы не наслал колдун на них какой беды. Но молодой Нэхтен был смелым охотником, и согрела его сердце любовь к прекрасной Майримай.

Поднялся Нэхтэн на дальнюю гору, добрался до дома старого Сургая, и постучал в резные ворота. Открылись ворота, и показался на пороге хозяин дома.

– Что, — спрашивает он, — надо тебе, молодой охотник? Зачем поднялся ты на мою гору, зачем стучишь в мои ворота?

– Мир тебе, старый Сургай, — отвечает Нэхтэн. — Я Нэхтэн-охотник, и пришел просить твою дочь, чернокошую Майримай, в жены. Какой ты за нее калым хочешь? Любой назови — любой достану!

– Любой, говоришь? — смеется Сургай. — Много вас таких приходило, много вас таких хвастало, ни один еще своего бахвальства не исполнил.

– Любой калым достану! — не отступает Нэхтэн. — Любую службу дай — исполню!

Смеется старый колдун.

– Мне ветра покорны, меня духи боятся, а болезни да горести на посылках служат — неужто ты думаешь, что сможешь силой с мной тягаться? Но раз уж сказал первое слово, говори и второе, молодой Нэхтэн. Выполнишь мою службу, добудешь, что попрошу — бери мою дочь, чернокошую Майримай.

– Какую же службу мне сослужить? — спрашивает Нэхтэн.

– Многие духи на мой зов являются, одного никак поймать не могу, — говорит старик, — Приведи мне, охотник, суудер-эдзена!

Нахмурился Нэхтэн — нелегко найти сладкоречивого суудер-эдзена, да еще сложнее поймать его. Да и радости в том мало — если оскорбить суудер-эдзена, то век потом удачи не видать, сживут со свету разгневанные духи. Но делать нечего, раз слово дал. Попрошался Нэхтэн со стариком, и поехал искать суудер-эдзена.

Едет он, едет, смотрит, как катится солнце по небу, а сам думает — как поймать духа, как удержать его? Силы да ловкости хватит, да только чем потом платить придется?

Трудную задачу задал Сургай, нелегкую — любой охотник, даже самый смелый, нет-нет, да задумается, нет-нет, да обратно повернет. Но вспомнил Нэхтэн про черные косы Майримай, согрела его сердце любовь, придала ему новых сил, подхлестнул он коня и поскакал туда, где солнце за край земли уходит.

Три дня скакал Нэхтэн, три ночи, добрался до тех мест, где жил самый старый шаман во всей степи. Много лет прожил он на берегу реки, много дней говорил с ветрами, водой

и земель, всё на свете знал, и что было, и что будет. Поклонился ему богатыми дарами Нэхтэн, попросил научить его — где искать суудер-эдзена, как поймать его?

Научил старый шаман Нэхтэна, как поймать черноглазого духа, дал ему покрывало заговоренное и веревку волшебную. Поблагодарил его Нэхтэн и отправился к самой высокой горе. Дождался он ночи, когда откинёт луна косы с лица и во всей красе людям покажется, расстелил покрывало, поставил миски с медом и молоком, а сам скрылся и стал ждать.

Долго ли ждал, коротко ли, прошла луна по небу, умыла свое лицо утренней росой, да ушла солнце будить. Расстелился по горе сумрак, вытянулись тени от камней да деревьев.

Глядит Нэхтэн — одна из теней прямо к покрывалу тянется. Выползла она из-под камня, подползла поближе, и давай в плоски заглядывать, молоко пить да медом лакомиться. Прыгнул тогда Нэхтэн, схватил ту тень, замотал в заговоренное покрывало, стянул волшебной веревкой. Бьется тень в покрывале, то молит, то проклятиями сыплет.

Приоткрыл Нэхтэн сверток, выглянул из него суудер-эдзен, смотрит глазами черными, а в глазах тех тьма ночная плещется. Черные волосы растрепаны, лицо злое — взглянуть страшно.

– Зачем ты поймал меня, Нэхтэн-охотник? — спрашивает суудер-эдзен. — Неужели мало тебе было удачи твоей? Обманул ты меня, заманил в капкан, не будет тебе за то ни удачи, ни дичи, и головы не сносить.

– Не гневайся, сладкоречивый дух, — просит Нэхтэн. — Хватает мне и удачи, и достатка, грешно жаловаться. Не по своей воле я поймал тебя, не со злого умысла обманул.

Рассказал Нэхтэн суудер-эдзену, что послал его за калымом старый Сургай-колдун.

– На чужой беде хочешь счастье свое построить, Нэхтэн-охотник? — спрашивает суудер-эдзен. — Силен Сургай-колдун, буду я ходить у него в услужении сорок зим, за счастье твое расплачиваться.

– Не бойся, сладкоречивый дух, — говорит Нэхтэн. — Сургай-колдун сказал мне привести тебя, а не отдать. Довезу тебя до дома старого колдуна, а там отпущу и лети себе на все четыре стороны.

Засмеялся суудер-эдзен.

– Ай, — говорит, — хитрец, уж не от нашего ли племени ты набрался своих хитростей, уж не приходил ли кто ночью к твоей матушке? Ладно, Нэхтэн, помогу я тебе, но коли обманешь — берегись. А теперь дай мне меда поесть да молока попить.

Развязал Нэхтэн веревку волшебную, развернул покрывало заговоренное, усадил суудер-эдзена честь по чести, налил ему еще молока да попотчевал медом. Поел черноглазый дух, попил, да и говорит:

– Благородное сердце у тебя, Нэхтэн, не стал ты меня обманывать. За то помогу тебе. Накормил ты меня, напоил, за то помогу тебе еще раз. Отпустишь меня — помогу и последний раз.

Допил молоко суудер-эдзен, связал его Нэхтэн простой веревкой, завернул в покрывало заговоренное, пристроил на седло свое бережно и повез к дому Сургая-колдуна.

А старый Сургай его уже на пороге дожидается.

– Что, — спрашивает, — Нэхтэн-охотник, привез ли ты мне суудер-эдзена?

– Привез, — отвечает Нэхтэн.

Развернул он покрывало заговоренное, вытащил оттуда духа. Протянул к нему руки Сургай, а веревка-то простая была, разве ж такой удержишь суудер-эдзена? Выскользнул тот тонким дымком из веревок, да черной тенью под камень ушел — поди найди его!

– Что же ты, Нэхтэн, обманул меня? — спрашивает Сургай.

– Не обманывал я тебя, Сургай, в точности поручение твое выполнил. Ты велел мне привезти суудер-эдзена, я привез его — а про всё остальное уговору не было!

Смеется Нэхтэн, хмурится старый Сургай.

– Раз нет калыма — нет и невесты, — отвечает Сургай. — Будет калым — будет тебе и Майримай.

– Какой калым ты хочешь, Сургай? — спрашивает Нэхтэн.

– Принеси мне соколиное перо, охотник, да не простое, а из крыла самого Аки-сокола. Из руки в руку передай, чтобы без хитростей.

Запечалился Нэхтэн. Аки-сокол — самый быстрый во всей степи, три раза облететь ее успевает, пока песня поется, а где его искать — никто не ведает. Но раз слово дал — надо держать.

Оседлал Нэхтэн своего коня да поскакал в степь. Быстрым был конь Нэхтэна охотника, да долгим и трудным путь. Наконец, на исходе восьмого дня, увидел Нэхтэн вдали Аки-сокола — высоко парил тот в небе, ярко сияло его оперение в лучах жаркого солнца. Пять дней и пять ночей без отдыха скакал за ним Нэхтэн-охотник, да так и не смог догнать. Пять раз натягивал он тетиву своего лука, и пять раз не смогли его стрелы поразить Аки-сокола — разве может стрела догнать того, кто летит быстрее ветра?

Наконец, устал конь Нэхтэна, кончились стрелы в колчане, и пришлось охотнику спешиться, чтобы отдохнуть, а Аки-сокол улетел далеко-далеко.

Закатилось солнце за край земли, вытянулись тени. Сидел у костра Нэхтэн, думал, как поймать ему Аки-сокола. Тут увидел он, как из-под камня тень выползла, длинная да черная, моргнул — а у костра его сидит суудер-эдзен.

– Здравствуй, Нэхтэн-охотник, — смеется дух, — не догнал Аки-сокола?

– Не догнал, — отвечает Нэхтэн.

– Что же на помощь меня не зовешь? Или нет в тебе веры сладким речам суудер-эдзена?

– Хотел сам службу Сургая исполнить, — сознался Нэхтэн. Пуще прежнего суудер-эдзен рассмеялся, да в ночном сумраке истаял.

До утра просидел Нэхтэн у костра, а под самое утро уснул. А как поднялось над землей солнце, открыл глаза охотник, и увидел, что рядом с ним перо лежит соколиное, так на солнце сияет, что глазам больно.

— Вот твое перо, Нэхтэн-охотник, — говорит ему суудер-эдзен, — из левого крыла Аки-сокола. Нашел я его на краю света, убедил пером поделиться.

– Спасибо тебе, сладкоречивый дух, — отвечает Нэхтэн.

Забрал он перо, спрятал за пазуху, и поехал обратно на дальнюю гору.

А старый Сургай его на пороге дожидается.

– Что, — спрашивает, — Нэхтэн-охотник, привез ли ты мне перо Аки-сокола?

– Привез, — отвечает Нэхтэн. Достал он перо, из рук в руки старому Сургаю передал. Смотрит Сургай на перо, блестит оно так, что глазам больно.

– Вижу, и впрямь это перо из крыла Аки-сокола, — говорит Сургай. — Неужто ты сам догнал его, да перо у него отнял? Не может догнать ни один конь того, кто летит быстрее ветра, не может ни одна стрела поразить его. Уж не обманываешь ли ты меня, Нэхтэн-охотник? Ветры, прилетевшие с дальних степей, говорят о том, что суудер-эдзен тебе помогал.

Запечалился Нэхтэн — что он может сказать против слова ветров? Покаялся Сургаю, что помогал ему суудер-эдзен.

– Не ты добыл калым — не тебе и невеста, — отвечает на это Сургай. — Похвалялся ты, что можешь любой калым достать, да вижу, ничем ты не лучше тех, что приходили сюда до тебя.

Разгневался Нэхтэн.

– Испытай меня еще раз, Сургай! — просит он. — Добуду я тебе любой калым!

– Ну, раз так, — смеется Сургай, — то добудь мне волос из уса Старика-Горы. Прохулись пути, которыми я ветра удерживаю, новые нужны, а не всякие пути могут ветер удержать.

Вскочил на своего коня Нэхтэн и поехал к далеким седым горам, добывать калым за красавицу Майримай.

Нелегкий то был путь — дули навстречу коню и всаднику холодные злые ветры, простирались под ногами болота, а в лесах поджидали хищные звери. Долго ехал Нэхтэн, чуть коня не потерял да чуть сам голову не сложил. Наконец, добрался он до самых далеких гор, чьи седые вершины уходили в самое небо.

Оставил тогда Нэхтэн своего коня на зеленом лугу, срубил крепкий сук, сделал себе посох и отправился к вершине самой высокой горы.

Старые то были горы, многое видели они, многое слышали. Множество птиц свило свои гнезда на отвесных скалах, множество зверей рыскало по их дорогам, множество слухов и историй приносили им ветра из далеких краев. Видели те горы, как пришли на эти земли боги, а за ними следом и люди. Видели они, как жили в тех краях великаны, видели они, как стали те великаны камнями. Всё знают они, всё помнят.

Вот в тех горах и жил старый великан, что сам уже почти стал камнем. Целыми днями сидел он неподвижно на своем месте, думал о том, что было, гадал о том, что будет. Было у него когда-то имя, длинное, великанское, какое простому человеку ни за что не выговорить, а кто смог — тот же час падал за смертью. Потому и звали его просто — Старик-Гора.

Долго шел Нэхтэн-охотник, добрался до самых вершин, отыскал Старика-Гору, поклонился ему и стал просить волос из его уса.

– Где тебе, простой человек, волос удержать? — спрашивает он. — Ты, поди, и ковылинки в руках не удержишь.

Рассердился Нэхтэн, стал грозить Старику-Горе:

– Отдавай, старый великан, волос по-хорошему, а не то придется мне биться с тобой!

Захохотал Старик-Гора, задвигался.

– Многих я видел храбрецов, Нэхтэн-охотник, многие приходили сюда искать славы и подвигов. А теперь лежат их кости в глубоком ущелье, на самом дне!

Пуще прежнего рассердился Нэхтэн, вытащил свой меч и вызвал великана на бой. Долго бились они — дважды солнце успело подняться и пройти свой путь по небу, дважды успело оно закатиться за край земли, наконец, обессилел Нэхтэн, разломился его верный меч на две половинки, да порвалась тетива у его верного лука. Схватил тогда Старик-Гора Нэхтэна и сбросил с горы вниз.

Пролежал сколько-то без памяти Нэхтэн, открыл глаза, видит — стоит над ним черноглазый суудер-эдзен, смеется.

– Что же не позвал ты меня, храбрый охотник? Или думал, что сам великана одолеешь?

– Что же звать тебя, сладкоречивый дух, — отвечает Нэхтэн, поднимаясь с земли, — коли силы у меня и своей предостаточно. Дай только лицо в ручье омыть, и снова я пойду к Старика-Горе. Не вышло с одного раза, так с другого получится.

Пуще прежнего рассмеялся суудер-эдзен, и протянул ему длинный и толстый волос — добрая веревка из такого выйдет, сорок сороков диких лошадей удержать можно, в самый раз такой ветры связывать. Запечалился Нэхтэн, волос увидев.

– Что не весел, Нэхтэн-охотник? Или не тот волос я принес тебе? — спрашивает суудер-эдзен. — Чай, ты пока с великаном дрался, какой—нибудь другой волос приметил?

– Не приметил я другой волос, сладкоречивый дух, — отвечает Нэхтэн. — Да только донесут ветра Сургаю, что не выполнил я его просьбу, и снова не отдаст он мне красавицу Майримай.

– Эх, Нэхтэн-Нэхтэн! — покачал головой суудер-эдзен. — Сильный ты и храбрый, да только куда силе против хитрости! Помогу я тебе и в последний раз, как обещал, а ты поезжай к Сургаю, да не беспокойся ни о чем.

Смотал Нэхтэн волос, привязал к седлу и поехал восвояси. Добрался до дальней горы, а Сургай-колдун уже на пороге его дожидается.

– Ну, Нэхтэн-охотник, добыл ли ты волос из уса Старика-Горы?

– Добыл, — отвечает Нэхтэн.

– Неужто одолел ты Старика-Гору? — спрашивает Сургай. — Кто же может поручиться за тебя?

– Спроси ветров своих, — отвечает Нэхтэн.

Позвал тогда Сургай злые холодные ветры, расспросил, где летали они и что видели. Рассказали ему ветры, что летали они к седым горам, и что видели они, как добыл Нэхтэн-охотник волос из уса великана. Не знал Сургай, что убедил сладкоречивый суудер-эдзен злые холодные ветра, научил, что сказать старому колдуну, когда начнет он их расспрашивать. Так помог черноглазый дух и в третий раз молодому охотнику.

Долго Сургай-колдун расспрашивал холодные ветра, да так ничего и не добился.

– Делать нечего, — сказал тогда Сургай. — Одолел ты меня, Нэхтэн-охотник. Бери в жены мою дочь, черноглазую Майримай.

Взял Нэхтэн красавицу Майримай в жены, увез в свое селение и сыграли они там богатую свадьбу. Жил с тех пор Нэхтэн с красавицей женой долго и счастливо. Помнил Нэхтэн, кто помог ему выполнить службу, и каждый вечер оставлял для суудер-эдзена плошку молока и миску душистого меда — и с тех пор ни в чем не знал неудачи.

Шагнал¹

Благодарность суудер-эдзена

Когда в степи приходит зима и дуют холодные, стылые ветра, разгоняя по сухой траве редкий и колкий снег, тени уходят к людям, чтобы выпросить себе пищу и кров.

Как-то раз зима выдалась особенно лютой. Снега укрыли землю, животные уходили на юг, люди собирались вместе, племена забывали прежнюю вражду. Охотники выходили на свой промысел одним большим отрядом и делили принесенную добычу между всей стоянкой.

Раз в ночи, когда сгустилась тьма и разыгралась метель, в юрту одного хана пришел неожиданный гость. Тонкими были черты лица его, глаза — чернее ночи, а одежды, несмотря на холод, были из легчайшего шелка. Хан сразу понял, что перед ним суудер-эдзен.

— Что ты хочешь, черноглазый демон? — спросил хан. — Зачем ты пришел в мою юрту? Хочешь ли ты посостязаться в красноречии, или же задумал недоброе?

— Нет, хан, — ответил суудер-эдзен, — моя просьба проста. Степи сковали холода, и не укрыться от них ни в тени, ни на солнце. Дай мне плошку молока для моего Младшего, что замерзает в снегу, пусти к своему огню отогреться — и я щедро награжу тебя.

— К чему мне награды твои, черноглазый демон? — ответил хан. — У меня всё есть, а чего нет, так принесут, стоит мне только подумать об этом.

Не пожелал хан иметь дела со сладкоречивым духом, сколь тот не упрашивал. Ушел суудер-эдзен из юрты хана, и пошел к известному богачу Таргуну. Владел Таргун и стадами, и рабами, и был первым после хана человеком. Но и богач Таргун пожелал молока для суудер-эдзена.

— К чему мне награды твои, черноглазый демон? — сказал богач. — У меня всё есть, а чего нет, так принесут, если я пожелаю купить это.

Ушел суудер-эдзен в ночную тьму не солоно хлебавши.

Всё сильнее выл ветер, всё сильнее шел снег. А на самом краю селения стояла худая юрта бедняка Сюнгай. Совсем немного осталось у Сюнгай от старого отца — худая юрта, где совсем не было места, худой лук, да старая, худая шуба.

Не спал Сюнгай в ту ночь, поддерживал огонь в своей юрте, отгоняя лезущий в щели холод. Вдруг отворился полог, и вошел к нему неожиданный гость. Не испугался Сюнгай — нечего воровать было в его старой юрте.

— Здравствуй, путник, — сказал Сюнгай. — Садись, погрейся со мной у огня — сколько бы ни было от него тепла, да всяко теплее, чем снаружи.

— Спасибо тебе, Сюнгай, — ответил путник. Заглянул в его черные глаза бедняк и понял, что только что пригласил в свою юрту суудер-эдзена, владыку теней. Ну да была ни была — нечего терять было бедному Сюнгаю.

¹ Монгольск. «награда»

— Ты, я смотрю, не нашего людского племени, — сказал он. — Что ты хочешь от бедного Сюнгая, черноглазый демон?

— Моя просьба проста, Сюнгай, — ответил суудер-эдзен. — Дай мне молока для моего Младшего, что замерзает в снегу, пусти к своему очагу погреться, и я щедро награжу тебя.

— Отчего ж нет, — пожал плечами Сюнгай, — иди да грейся, молоко, поди, у меня еще осталось.

В тот же миг полог тряхнуло, и втекла в юрту Сюнгая еще одна тень, меньше да тоньше.

– Это мой Младший, — говорит суудер-эдзен. Поглядел Сюнгай на тень, а та уже и не тень вовсе, а юноша, тонкий и красивый, словно девица. Лицо у него грустное, бледное, а как глаза поднял — так там та же темнота ночная.

Подкинул в очаг дров Сюнгай, разделил с духами оставшиеся припасы — строганину и кумыс. Отогрелись тени, повеселели, стали Сюнгаю сказки рассказывать — да такие смешные! Смеется Сюнгай, тепло ему, сытно, словно не последнюю строганину доел, а у хана на пиру побывал. Исчезла тоска с лица суудер-эдзен-хуу², так и льнет он к Сюнгаю, так и просит, чтобы и тот ему сказку рассказал.

– Видно, по нраву ты моему Младшему пришелся, — смеется владыка теней.

Просидели они так полночи, однако пора настала и честь знать. Уступил Сюнгай духам шкуру, на которой спал, сам закутался в старую шубу и остался за огнем следить.

Сидел он у костра, сидел, да так и задремал. Чует сквозь сон — тепло да светло вокруг, словно лето посреди зимы настало. Спихватился, что заснул да про огонь забыл — никак, пожар? Открывает Сюнгай глаза, а вокруг него — юрта богаче ханской, сундуки с золотом и серебром вокруг стоят, в очаге огромном костер полыхает, вокруг — дорогие кушанья расставлены, а сам Сюнгай лежит на богатом ложе, дорогими шкурами застеленном.

А духов и след простыл, словно никогда их и не было.

Разбогател бедный Сюнгай, сам ханом стал, завел себе слуг и жен, ни в чем неудачи не знал, ни в ратном деле, ни на охоте. Да только ни принесла ему счастья щедрость черноглазого суудер-эдзена. Нет-нет, да и вспомнит тонкое лицо Младшего, не мужское и не девичье, — а как вспомнит глаза его черные, так в груди что-то и ухает — видно, выкрала у него черноглазая тень душу, похитила сердце. Как сгущаются тени, так начинает Сюнгай ждать, не появится ли суудер-эдзен, не попросит ли молока. Оставлял молоко для них Сюнгай, но так и не являлись они больше. Прошло еще одно лето, снова настала зима, и каждый холодный вечер ждал Сюнгай, что придет к нему черноглазый дух молока просить.

Так прождал Сюнгай три зимы, пока от тоски не умер.

Такие они, тени черноглазые — и худому человеку от них горе, и доброму радости мало.

² Монгольск. «сын владыки теней», здесь – младшая тень, титул Младшего.

Награда

Хоть и благодарен бывает суудер-эдзен за помощь, да только есть предел и той благодарности. Рассказывают о том, что не забывает никогда суудер-эдзен о том, кто помог ему, да следит и за теми, кому сам помогал.

Ехал как-то на своем коне через степь скорняк Джайгебек, возвращался домой с дальней стоянки — хорошие шкуры он купил у охотников, хорошие шубы из тех шкур сделать можно. Ехал Джайгебек, насвистывал песню, подпевали ему с небес хищные птицы, подсвистывали из травы сурки. Ехал он себе, ехал, как вдруг потемнели небеса, скрылось за тучами солнце, поднялся сильный ветер, и обрушилась на степи сильная буря. Слеп Джайгебек от молний, оглох от грома, застучал по плечам его град, ударил в лицо сильный ветер, того и гляди, шапку с головы сдует. Отпустил тогда скорняк поводья своего коня — пусть сам решает, куда идти, коль на человека надежды мало. Устремился конь вперед, сквозь бурю, прижался Джайгебек к его могучей шее, закутался в плащ от ветра и дождя.

Долго так скакали всадник и конь, поутих сильный ветер, да и дождь стал поласковой. До нитки промок Джайгебек, до нитки промок и его верный конь. Устал конь, перешел на шаг. Выпрямился в седле Джайгебек, стал по сторонам смотреть — верной ли дорогой везет его конь, далеко ли до дома?

Вдруг услышал скорняк сквозь шелест дождя — ровно плачет кто-то, тонко да жалобно. Придержал Джайгебек поводья да по сторонам озирается — может, еще кто заблудился в такую бурю?

Никого не увидел Джайгебек, дальше поехал. Только сделал несколько шагов его конь, как снова услышал скорняк жалобный плач. Остановил тогда скорняк коня, снова стал по сторонам осматриваться. И увидел он среди камней тонкую черную тень. Плачет та тень жалобно, жметя к камням, от дождя прячется. Подошел Джайгебек ближе, видит — сидит между камней юноша в черных одеждах, прилипли к лицу его мокрые волосы, сам от холода дрожит, как лист на ветру.

— Как ты оказался здесь, бедное дитя? — спрашивает Джайгебек.

Ничего не ответил юноша, только поднял глаза на скорняка — а глаза те черные, без единого белого пятнышка, словно вся темнота ночная в тех глазах спряталась. Понял тогда Джайгебек, что перед ним — суудер-эдзен-хуу. Снял Джайгебек свой плащ, завернул в него юношу, посадил на своего коня, и поехали они дальше.

Привез Джайгебек суудер-эдзен-хуу к себе домой, велел жене и матери накормить гостя, обогреть и одежду высушить. Приняли женщины юношу ласково, накормили досыта, дали теплые покрывала и сухую одежду.

Так гостил юноша в доме скорняка несколько дней и ночей. Дичился он сперва людей, но вскоре начал к ним ластиться, сказок просить да плошку молока, и ни в чем ему отказа не было.

Минуло с той поры сколько-то времени, пока наконец, на вечерней заре, приехал к дому Джайгебека всадник на черном коне. Вышел Джайгебек посмотреть, что за гость к ним приехал. Слез со своего коня всадник, снял капюшон, и взглянул на скорняка черными глазами.

— Здравствуй, — говорит он, — Джайгебек-скорняк. Пришел я вернуть себе то, что ты забрал у меня.

— Здравствуй и ты, суудер-эдзен, владыка теней, — поклонился ему Джайгебек. — Будь моим гостем, отдохни с дороги.

Согласился сладкоречивый дух, прошел в дом, сел за стол. Суется жена и мать Джайгебека, подают питье да яства. Сел за стол и суудер-эдзен-хуу, обрадовался он, увидев своего владыку, так и льнет, да расспрашивает — как жилось в степи, пока гостил он у скорняка?

Рассказал суудер-эдзен, как растут в степи дикие травы, как поют вольные птицы, сам же стал выпрашивать, как жилось юноше у Джайгibeка?

Рассказал суудер-эдзен-хуу, как здесь ласково его приняли.

Наконец, встали гости из-за стола, велел суудер-эдзен юноше во двор идти, а сам повернулся к Джайгебеку и говорит:

– За то, что помог ты моему Младшему в беде, за гостеприимство твое, щедро награжу я тебя, Джайгебек-скорняк. Будет теперь в твоём доме удача и достаток.

Сказал так, и ушел во двор. Не успел Джайгебек моргнуть, как не стало у него во дворе ни черного коня, ни черноглазых духов.

С той поры разбогател Джайгебек-скорняк — ни в чем отказу не знал, ни в чем неудачи не ведал. Пришел в его дом достаток, появились и батраки, золото, серебро и ковры.

Обрадовался Джайгебек, стал пиры устраивать, стал на те пиры звать богатых соседей, самого хана приглашать начал. Звал он и старых шаманов, чтобы дружбу с ними водить, да только отказались шаманы. Зовет он их раз, другой, а те лишь в усы посмеиваются.

– Смотри, — говорят, — Джайгебек, богатство — как вода. В иной день из берегов выходит, а в иной день последние капли сквозь пальцы упустишь.

Не боялся тех слов Джайгебек — чего же тут бояться, когда он у суудер-эдзена в милости?

Всё лучше да лучше жил Джайгебек, уже и на соседей свысока подглядывать начал. Не стало никого, кто бы был столь же гордым и отчаянным, как Джайгебек-скорняк. Не боялся он рисковать — чего бояться тому, кто не знает неудачи? С самыми отчаянными людьми связался, и только еще больше разбогател.

Как-то раз, когда пришли в степь холода, поехал Джайгебек свои земли осмотреть, табуны свои проведать. Ехал он дальней дорогой, кутался в дорогой плащ, да поглядывал по сторонам. Грустным было в тот день небо, серые тучи ходили над самой землей. Погрустило небо без солнца, погрустило, да расплакалось.

Закутался в плащ Джайгебек, едет себе по дороге. Вдруг слышит — зовет его кто-то. Огляделся скорняк, и увидел на дороге изможденного нищего в дырявых лохмотьях. Медленно брел нищий по дороге навстречу Джайгебеку. Попросил нищий милостыни, но ответил ему Джайгебек:

– Говорили мне мудрые шаманы, что богатство подобно воде — если каждому по капле налить, то так и целое море иссушить можно. Ступай своей дорогой.

Побрел нищий дальше, а Джайгебек вперед поехал. Ехал он, ехал, дождь всё сильнее и сильнее становился. Проехал он сколько ни есть дороги, и повстречался ему седой старик. Тяжело тот шел по дороге, опираясь на свою клюку. Попросил седой старик милостыни, но ответил ему Джайгебек:

– Говорили мне мудрые шаманы, что богатство подобно воде — если каждому по капле налить, то так и целая река пересохнет. Ступай своей дорогой.

Пошел старик дальше, а Джайгебек поехал вперед.

Пуще прежнего припустил дождь, совсем почернело небо, засверкали на нем яркие молнии. Едет Джайгебек, в плащ кутается. Видит — впереди идет кто-то. Подъехал Джайгебек ближе, видит — идет по дороге юноша. Поздоровался юноша с Джайгебеком, рассказал, что идет к старому шаману за лекарством для больной матушки. Продал он свой халат, продал единственную курицу, выручил за них всего лишь несколько медных монет. Стал юноша просить у Джайгебека милостыни, но сказал на это скорняк:

– Говорили мне мудрые шаманы, что богатство подобно воде — если давать каждому хлебнуть из твоего колодца, то рано или поздно пересохнет он. Ступай своей дорогой.

Пуще прежнего стал юноша просить Джайгебека, уговаривать взять его в батраки.

– Хорошо, — говорит Джайгебек, — если так, то дам я тебе милостыни, а ты за то пойдешь ко мне в услужение.

Снял Джайгебек с пояса кошельки, развязал — а вместо золотых монет в кошельке одни черепки. Поднял Джайгебек глаза — а вместо юноши перед ним суудер-эдзен стоит, хмурит черные брови, а в глазах его будто вся ночная тьма спряталась.

– Такова доброта твоя, Джайгебек-скорняк? — спрашивает суудер-эдзен. — Помогаешь ты лишь тем, от кого ты получишь выгоду? Спас ты от бури моего Младшего, чтобы получить моей милости? Три раза я испытал тебя, Джайгебек, три раза приходил к тебе в разных обликах, но не дал ты и медной монетки ни дряхлому старику, ни больному нищему, а подал лишь тому, кто согласен был на тебя работать. Правду сказали тебе старые шаманы, что богатство подобно воде — сколь не пытайся его удержать, всё равно сквозь пальцы утечет.

Сказал так — и истаял, словно и не было его. Испугался Джайгебек, ударил коня и поскакал вперед. Долго гнал коня, долго подхлестывал, пока, наконец, не споткнулся верный конь, не сломал ноги. Кубарем скатился с него Джайгебек, едва не убился, плащ дорогой порвал, весь в грязи перепачкался. Пришлось идти до пастбищ пешком, а навстречу Джайгебеку бегут его табунщики, вести несут дурные — поднялась страшная буря, перепугались той бури кони, разбежались в разные стороны, не смогли их пастухи удержать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.